

Н. А. Некрасов

Три страны света

Роман

Верхне-Волжское книжное издательство, Ярославль, 1965

OCR Бычков М.Н.

ПРОЛОГ

В глухом и далеком углу обширной русской земли, в небольшом уездном городе, за несколько десятков лет до начала нашей истории, на углу улицы, кончавшейся полем, стоял небольшой скривившийся деревянный дом. Он принадлежал городской повивальной бабке Авдотье Петровне Р***. Авдотья Петровна была женщина редкая; по должности своей она знала семейные тайны многих лиц города: кажется, довольно, чтобы и весь город знал их? Но Авдотья Петровна упорно молчала. Многие дамы оставили ее именно за это достоинство, которое считали важным недостатком.

- Какая дура эта Авдотья Петровна! лежишь, а она хоть бы слово интересное сказала... даже знаешь какую-нибудь историю, а так только нарочно спросишь: "правда ли, что жена Днищева свела шашни с Долбишиным?" запирается! я, говорит, не знаю!

Так жаловалась слабая супруга своему мужу после благополучного разрешения.

- Что же делать? - спрашивал супруг.

- Что делать? вот я ей откажу; она у меня последнего принимает!.. Возьму Веру Антоновну.

- Далеко посылать, да и обидишь Авдотью Петровну.

- Вот хорошо! - вскричала больная: - да она может уморить с тоски!

- Ну, хорошо, возьми Веру Антоновну, - говорил испуганный супруг.

Вера Антоновна была бабушкой другого, ближайшего уездного города. Она пользовалась обширной известностью, которой много способствовал лекарь того города, первый друг и приятель Веры Антоновны.

Вера Антоновна могла даже мертвого поднять своей болтовней, не только занять больную. Она знала все и всех. Обширное знакомство доставляло ей неисчерпаемый источник для толков и пересудов. Никто при ней не смел заикнуться о годах кого-нибудь.

- Как это можно, помилуйте! Анне Сидоровне теперь под сорок: она только на лицо моложава. Я у ней принимала первого; а Ваничка ровесник Соне Подгорной... Вот, я вам скажу, будет богатая невеста и старше только двумя месяцами Оли исправниковой... Как теперь помню, такая была жара; я ехала от Анны Сидоровны к исправнику... Какая она у него стала: так и тает, так и тает, точно свеча, чуть жива. Вот уж осьмого недавно бог дал: трудно, очень трудно родит. Сам-то исправник, знаете, не любит дома сидеть: разные шашни у него...

- Неужели, Вера Антоновна, с казначейшей? - спрашивали таинственно любознательные дамы.

- Какое с казначейшей? старо с казначейшей!

- С кем же? с кем же?

Глаза вопросительниц сверкали нетерпеливым блеском.

- С Марьей Ивановной! - произносила Вера Антоновна и протяжно и торжественно глядела на всех.

- Ах!.. неужели?.. Боже ты мой!..

И восклицаниям и расспросам не было конца. Вера Антоновна как река лилась, после длинного монолога требовала пить и выпивала залпом графин квасу.

Фигура ее была так обширна, что нужно было дарить ей на два платья, чтоб вышло одно. Прихотям Веры Антоновны не было конца. В доме, где случалось ей принимать, она вмешивалась решительно во все: "Зачем люди долго спят? зачем повар дурной квас сделал? зачем мало работают в девичьей? У исправника-то люди с петухами встают, а у вас, Агафья Артемьевна, вместе с барами: право, таких людей даже и у городничихи нет, а что она уж за барыня!.."

Вера Антоновна заботилась очень о своем здоровье; несмотря на страшную полноту, она считала